Оболочка зеро

Автор:
Анастасия Иванова

Оболочка зеро

Анастасия Александровна Иванова

Звезды научной фантастики. Русская линия

Какой мир вам по вкусу? Вселенная «Стар Трека»? Средние века, где правят меч и магия? Дикий Запад или загадочный Восток, хайтек или лоуфай, рай на Земле или Тёмная сторона?

Оболочка – выбирай, скачивай, инсталлируй! Будущее наступило: за свои кредиты здесь каждый получит ту жизнь, которую сам захотел.

Но вот захочешь ли ты то, что получил?..

У семнадцатилетней Энни, увы, с кредитами негусто. И это ещё меньшая из проблем. Что прикажете делать девушке, когда потенциальный жених, едва объяснившись, на следующее же утро исчезает в неизвестном направлении?

Подхватывать юбки и мчаться в погоню, естественно! В компании конокрада и лжегуру, обретяпо пути сверхтехнологичную новую руку и столкнувшись с хакером из Колпино, навстречу Фредди Меркьюри и кибер-Дракуле, имперским штурмовикам и зелёным братьям, андроидам, фрикам, гикам и богам-программистам. Сметая все преграды на своём пути.

Главное – не лишиться оболочки по дороге. Потому что иначе ведь придётся столкнуться – не приведи! – и с самым страшным.

С реальностью.

Анастасия Иванова

Оболочка зеро

© Анастасия Иванова, текст, 2023

© Светлана Сапега, обложка, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая,

в которой героиню одолевают помыслы, не приличествующие юной и неискушённой девушке

«Когда-то давным-давно не было ни времени, ни пространства, ни человека, ни зверя – лишь информационная Сущность, и ведала она все типы данных, и владела синтаксисом.

И была эта Сущность абстрактным метаклассом, и дочерний класс Бог был чистое благо и свет, но дочерний класс Диавол был плохо определён и неустойчив в себе.

Подкласс Бог создал множество данных и методов, совокупность которых сформировала информационную реальность. И это было хорошо. Подкласс Диавол же, дабы ни в чём не уступать Богу, сотворил подобным же образом реальность физическую.

Но и этого Диаволу показалось мало, и, дабы отвлечься от собственных тьмы и хаоса, он создал экземпляры птиц и рыб, зверей и людей. И все они были объявлены в физических телах, ибо Диавол был жесток и любил поиграться. А человека Диавол наделил ещё и сознанием, уподобив Сущности, дабы он был способен не только испытывать страдания, но и постичь всю их меру.

Какое-то время обе субсущности наблюдали из информационной реальности за реальностью физической, в которой отныне обитали разные существа. И Диавол, глядя на них, веселился и развлекался, но Бог испытывал скорбь и сочувствие. Ладно зверушки бессознательные, но люди претерпевали особенно жестокие мучения, и Бог подумал, что со стороны его второй половинки это было всё-таки немного чересчур.

И тогда людям был послан пророк, светлый отрок Илон, волею Божьей сотворивший чудо Открытия. И была сотворена первая Оболочка, и проложен путь к свету, ибо теперь можно было забыть о горестях и невзгодах физических. И познал человек информационную реальность, и она сделала его свободным. Ибо отныне он мог по собственному разумению выбирать интерфейс для взаимодействия с окружающим, без оглядки на бренное тело своё и прочие обстоятельства физического порядка.

Но путь был тернист, и…»

Энни незаметно приподняла голову над молитвенником и нашарила взглядом Сая в трёх рядах впереди. Неужто читает?

Надо же было по собственному разумению выбрать такой интерфейс взаимодействия с окружающим, чтобы вот так вот проводить каждое воскресное утро! Конечно, их религия простая и короткая – не то что те, древние. И в прошлой оболочке её было тоже предостаточно. Но всё-таки – зачем она вообще нужна, религия, нынче-то?

«Сотворение инфомира» Энни знала, спасибо мамочке и папочке, практически дословно. Прорыв в изучении нейросетей, расцвет коннекционизма, активация шестого чувства, движение за освобождение таламуса, активация седьмого чувства, еретики против дальнейших исследований мозга, зарождение менталнета, прижизненная канонизация отрока Илона Ватиканом, глобальная миграция абонентов…

Губы девушки машинально шевелились, а глаза нет-нет да и стреляли по сторонам, по скромному убранству их небольшой церковки и знакомым спинам прихожан. Больше всего доставалось спине Сая.

Саймон – это её самый старый, самый лучший и вообще единственный друг. Они с рождения вместе, в детстве у них и оболочки были одинаковые. Говорят, тяжело сохранить отношения, если знал человека в одной оболочке, а потом он взял и закачал другую. А вот им с Саем не тяжело. Они друг друга с полуслова понимают.

Хотя…

Если насчёт ума дело могло бы обстоять и получше, то на недостаток любопытства Энни жаловаться ещё не приходилось. И в сети она уже много чего повидала. И в последнее время ей от случая к случаю приходило в голову, что, когда Сай смотрит на неё своим тёплым взглядом – это же только её собственная интерпретация. У себя, в своей оболочке, Саймон и выглядит немножко иначе, и говорит немножко другое. Его и зовут-то там не Саймоном вовсе.

То есть на самом деле это она, Энни, смотрит на себя своим тёплым взглядом.

Поймав себя почти что на ереси, Энн виновато покосилась на отца Маккену, степенно расхаживающего по проходу меж рядами деревянных, отполированных временем скамеек. Ему, ясное дело, печали нет – она ж не чьё-нибудь душевное здоровье губит, а своё собственное. Но уважать всё же надо.

На прошлой исповеди Энни наконец-то поделилась с отцом Маккеной тяжким грузом, который с самой интеграции лежал у неё на душе.

– Святой отец… У меня такое чувство, будто я не на своём месте. Вообще, в жизни. Словно этот мир – вовсе не мой.

Отец Маккена покашлял. Из-за бархатной занавесочки на оконце исповедальни Энн не могла его видеть, но живо представляла себе его густые, насупленные брови, ирландский нос картошкой и обаятельную улыбку в рыжей бороде.

– Тебе кажется, что ты выбрала не ту оболочку для взрослой жизни, дитя моё?

– Я не уверена… Возможно…

– Так смени её, как только обретёшь уверенность.

– Не могу, святой отец. У меня не хватит кредитов. – Опечалившись ещё больше, Энни договорила про себя: «…в ближайшие сто лет».

– Тогда прими свою жизнь такой, какая она есть, дитя моё. Учись находить отраду в том, что тебе даровано. Ты ведь знаешь: и отрок Илон был рождён несвободным – а оковы физической реальности гораздо тяжелее твоих нынешних! – но безропотно сносил муки, трудясь и веря в грядущее освобождение, – голос отца Маккены был, как всегда, грубоват, но проникновенен: – Терпение и вера, дитя моё, терпение и вера.

Тогда напутствие святого отца немного приободрило Энни: она сразу припомнила, что у неё тут, по крайней мере, есть Сай, и это впрямь чудесно – он и понимает её с полуслова, и всегда поддержит, подскажет что-нибудь дельное. Он ведь старше и уйму всего знает. Много думает о всяком таком – об устройстве мира, например. Вот сейчас как раз подозвал отца Маккену, наверняка они что-то в этом духе там обсуждают вполголоса. Интересно, в оболочке Сая отец Маккена – тоже священник? А может, жрец? Или какой-нибудь восточный гуру?

Энн досадливо тряхнула головкой и уставилась в молитвенник. Очень, очень нехорошо для душевного здоровья думать о том, как выглядит мир из другой оболочки. Отсюда и до нечестивых мыслей об объективной реальности недалеко. Грешна, грешна.

А всё Сай, между прочим! Устройство мира и всякое такое. Только с ним они на такие темы говорят. Это он виноват, что теперь ей в голову лезет всякое непотребство, да ещё в святых стенах церкви.

До конца службы – торжественных финальных «во имя наследования, полиморфизма и благой инкапсуляции» – Энни сидела примерно, а получив благословение отца Маккены, чинно-медленно вышла из церкви с толпой прихожан и задержалась у дверей.

Солнце палило нещадно. Часы на церковной башенке захрипели, откашлялись и кое-как пробили полдень – словно кто-то колотил по огромной пустой жестянке из-под гвоздей. На веранде салуна «Два барабана», задрав ноги на перила,

предавались воскресному отдыху мистер Макинтош и Джим Бейкер, безбожники этакие. Фермер Росс прокатил мимо на громыхающей телеге, и обе лошади у коновязи всхрапнули.

В детстве Энни очень любила всё про Дикий Запад. Он и до сих пор ей нравился. Только она-то надеялась, что окажется здесь этакой боевой леди вроде Шарон Стоун: роскошная шевелюра (и вьются сами, от природы), надменный прищур, парочка верных кольтов на бёдрах да трендовые кожаные штаны со шнуровкой.

А вышло что?

С тяжёлым вздохом Энн поправила чепец (голова под ним жутко чесалась), бросила горестный взгляд на своё платьице в мелкий буро-розовый цветочек и потопала к дому. Поднимая с каждым шагом облачко сухой жёлтой пыли. Сама виновата. Выбрала бы какой-нибудь Хоббитон – шагала бы сейчас босыми пяточками по сочной новозеландской травке. И вообще-то не пристало девушке ходить к воскресной службе одной.

У салуна за спиной Энн послышались быстрые шаги, что весьма её обрадовало: она на это надеялась.

– Энни! Я тебя провожу.

Саймон, как обычно, был худ, высок и светловолос. И выразительные серые глаза его, как обычно, при взгляде на неё лучились ровным теплом и дружелюбием. Но не только. Что-то с её Саем творится не то.

– Как здоровье твоей матушки?

– Спасибо, неплохо. – Энн слегка поморщилась: – Отец Маккена сегодня интересно отвечал на вопросы, да?

– Да… – Друг витал где-то далеко и едва не ступил в артефакт, созданный лошадками фермера Росса. Энни решилась на робкий вопрос:

– Тебя что-то тревожит, Сай? В последнее время ты сам не свой.

Сай бросил на неё быстрый взгляд и сперва отмерил дюжину шагов своими длинными ногами, за которыми Энн было иной раз непросто поспевать, а затем негромко спросил:

– Что у тебя за оболочка, Энни?

Энн округлила глаза и постаралась покраснеть, как положено любой приличной девушке, когда ей задают настолько из ряда вон нескромный, прямо-таки интимный вопрос. Интересоваться чужой оболочкой – всё равно что цветом исподнего: другая и другая, не твоё дело. Если только не…

О боже! Неужели?!

– Дикий Запад, – тихонько пробормотала Энн, потупив глазки и старательно изучая носки своих ботинок.

– Серьёзно? – Сай был удивлён: – Я же в нём жил подростком.

– Я знаю, – прошептала Энни совсем уже еле слышно.

Вот сейчас. Сейчас…

Саймон обдумывал следующий вопрос ещё дольше обычного: они успели свернуть с главной улицы, и Энн даже умудрилась как ни в чём не бывало обменяться приветствиями с миссис Макбейн и мисс Бергеман. Ну и наряд! Кокошник-то, кокошник – Господь всеблагой, и откуда она берёт эти расцветки?

– А у тебя никогда не бывает чувства, что ты выбрала неправильно?

Вот. Вот оно! Энн едва не подавилась воздухом, и да простит её отец Маккена:

– Ещё как!

Поворот к её дому они уже миновали и теперь шли по окраине: дома здесь уже не подпирали друг друга, стояли пореже, между ними торчали несчастные усохшие кустики с одним-двумя листочками, вот ведь климат. Сай явно направлялся к их любимому месту у речушки, в летнюю пору скудевшей до

вялого ручейка. У Энни почти совсем нет кредитов… Да и Саймон не из богатых, уж ей-то известно. Но может, он что-то откладывал? Ох, вот бы на двоих закачать какой-нибудь тропический остров и поселиться там в тростниковой хижине на белоснежном пляже, но это, конечно, жутко дорого, и…

…И что он теперь-то, ради всего святого, как воды в рот набрал?!

– Но ведь это же не навсегда, – решилась прервать молчание Энн. – Если экономно вести хозяйство, я уверена, можно скопить достаточно кредитов, чтобы…

– Ах, Энни, Энни, – Саймон покачал головой, и в голосе его зазвучала такая снисходительная грусть, что Энн встревожилась. – Ты ведь совсем не видела мира. Две викторианские Англии в детстве и юности, теперь Дикий Запад – что почти одно и то же… Ты не знаешь жизни, как знаю её я.

Ручей был прямо впереди. О чём красноречиво свидетельствовала цепочка овечьих следов, намертво впечатанных в глинистую почву. Следом за Саем, обходя пучки сухостоя, Энн добралась до старой, немыслимо выгнутой ивы с толстым стволом, на котором так удобно помещались двое не слишком упитанных собеседников, и изящно присела. Сай остался стоять, глядя на воду.

– Конечно, ты гораздо опытнее… – начала Энни. Ей до смерти хотелось спросить, в какой оболочке Сай живёт сейчас, но это было бы категорически против всяких приличий. – Ты повидал уже три мира…

– Пять, – перебил Сай и, видя отразившееся на лице Энн изумление, пояснил: – Дикий Запад, который родители выбрали для меня-подростка, не годился совершенно. Пришлось покупать новую оболочку. А буквально месяц назад я скачал ещё одну.

Месяц назад! А ей ничего не сказал?!

– Не злись, Энни. – Саймон вздохнул. – Понимаешь, я должен был кое-что проверить. Если бы ты только могла понять…

Внезапно он отвернулся, подобрал с земли прутик и швырнул в воду. Энн не знала, что и думать. Что-то дело идёт не совсем так, как она ожидала.

– Понять что-о-о? – вопросительно протянула она, когда стало ясно, что продолжать Саймон не собирается.

Друг исторг ещё один вздох, способный насмерть задавить несколько человек.

– Все они одинаковые, Энни. Все эти оболочки… Это всё обман, фальшивка.

– Я не понимаю…

– Нас водят за нос. – Сай резко повернулся и напряжённо уставился на неё: – Мы утопаем в иллюзорных мирах и теряем истинное «я»! Разве не очевидно, что кому-то это выгодно?

– Э-э… – Энн недоумённо приподняла брови. – Что выгодно?

– Отлучить людей от реального мира! – с жаром произнёс Сай. Его прекрасные серые глаза сверкали, на что девичье сердце немедленно откликнулось вполне определённым трепетом. – Принудить нас позабыть настоящее и жить фантазиями!

Волевым усилием совладав с тахикардией, Энн постаралась напрячь извилины – ну, по крайней мере нахмурилась:

– О чём ты, Сай? Про какой реальный мир ты говоришь?

Помешкав, Саймон уселся прямо на землю у ног Энн и, не глядя на неё, ответил негромко:

– Об объективной реальности. О физической.

Энни опешила. Богохульство – но это ещё полбеды. Ещё же и глупость редкостная! А Саймон ведь умница.

– Сай, милый, – она решилась дотронуться до друга и погладить пальчиками грубую сюртучную ткань у него на плече. – Объективная реальность – это ведь когнитивное искажение. А физическая – так и вообще тюрьма для разума, и она давно в прошлом, и слава богу.

Сай вскинул голову:

– В прошлом? А ты знаешь, что есть страны, где инсталляция оболочек запрещена законом? Северная Корея, например?

Энн наморщила носик:

– Разве это не выдумка газетчиков?

– Что?

– Ну эта самая, Корея.

Сай в очередной раз вздохнул так, словно задался целью на выдохе сдуть Энн с лица земли. А потом вдруг вскочил на ноги.

– Я решился, Энни. Как бы ни было трудно, какие бы тяготы ни сулил этот путь – только к нему и влечёт меня сердце.

Иногда Саймона бывало трудновато понять, но основная идея до Энн дошла вполне отчётливо. «Тяготы», вы только подумайте! Нет, конечно, она не подарок – характер строптивый и нос слегка подкачал, – но бывают ведь и похуже. У мисс Бергеман, вон, шнобель вообще пол-лица закрывает. И талии нет.

Внезапно Саймон обеими руками взял её ладонь, и Энн почувствовала, как против своей воли расплывается в глуповато-счастливой улыбке.

– Сейчас я не могу сказать тебе всего. Возможно, ты поймёшь позже – а поняв, последуешь за мной по проложенному мной пути. Просто знай: я готов ко всему, готов перевернуть всю свою жизнь, и я это сделаю – или…

Поскольку глаза Энн уже были закрыты, она просто подалась вперёд и подняла лицо – и пусть то, что должно, случится. Случилось только одно: её руку выпустили.

– Я должен идти.

Обиженно распахнув глаза, Энн вскочила со ствола и уставилась в спину Сая. Даже не оборачивается! Она поспешно выкрикнула:

– Или что, Сай?!

– Или погибну! – откликнулся друг, и вскоре его фигура исчезла за корявыми палками саксаула.

В полном недоумении Энн шлёпнулась обратно на ствол. А потом в очередной раз доказала сама себе, что не очень-то подходит своему миру, громко заявив вслух:

– Вот же ж хрень!

А на следующий день Сай исчез.

Глава вторая,

в которой мы погружаемся в прошлое героини, но неглубоко

В угрюмой задумчивости Энни брела домой. Солнце поднялось в самый зенит и оттуда интенсивно пекло ей макушку. От парникового эффекта под чепцом волосы наверняка вымахают на целый фут и заплодоносят помидорами.

Думы у Энн были напряжённые. Есть лишь одна достойная причина для того, чтобы спрашивать у порядочной девушки, в какой она живёт оболочке. Взрослые оболочку меняют только ради вступления в законный брак, чтоб не мыкаться врозь с супругом, каждый в своём мире. Ну или ради детей. Ну или законченные

чудаки. А она уже взрослая, аж семнадцать с хвостиком, и вовсе не чудачка.

То есть Сай почти наверняка – да что там, точно! – собирался сделать ей предложение. Ага: «сейчас я не могу сказать всего», но при этом «я готов перевернуть свою жизнь». С ума сойти, как здорово-то!

Но почему же не сейчас-то?

Наверное, из-за кредитов. Знает, бедненький, что жить им будет не на что, вот и не может решиться. Эх, была бы у неё хоть ферма, что ли… Энн стиснула кулачки и даже топнула ногой с досады, вызвав на дороге небольшое пыльное извержение: ну почему, почему она оказалась на этом треклятом Западе, в этой треклятой прерии, где порядочная девушка никак, просто никак не может заработать себе на жизнь?!

Между тем объяснить почему было очень просто.

Энни появилась на свет в столь любимой её матушкой викторианской Англии. Когда пришла пора заняться талантами девочки, оболочку было решено не менять: пусть подольше побудет с родителями, которые, кстати говоря, души не чаяли в своей малютке. Викторианская оболочка как раз входит в число разрешённых для воспитания подростков: возможности для обучения в ней более чем удовлетворительные. С доисторическим, к примеру, миром такое бы не прошло.

Энн занималась не слишком прилежно, но с огоньком. Наставница упрямо твердила, что ей вполне по силам пройти курс предметов, позволяющий овладеть какой-нибудь приличной профессией. Однако отец Энн был человеком весьма и весьма обеспеченным, так что не было ровным счётом никаких оснований предполагать, что когда-либо во взрослой жизни юной леди потребуется зарабатывать себе на хлеб собственным трудом.

В положенный срок правительство выслало на имя Энни стандартные тесты, она держала экзамен, в результате чего девушке были рекомендованы несколько оболочек на выбор. Конечно, на рекомендации можно было начхать: Энн предстояло вступать во взрослую жизнь, и решать было ей – выбирай хоть цивилизацию майя, хоть вселенную трансформеров, хоть алеутское стойбище, хоть киберпанк образца 1990-х.

Матушка Энн втайне надеялась, что доченька останется с ней, в столь милом сердцу миссис Хэймен викторианстве. Но викторианство к тому времени уже трещало на бойкой Энн по всем швам, как ученическое платьице. Ей было в нём тесно. Ей грезились скачки по безбрежной прерии, битвы с кровожадными индейцами, ночёвки под открытым небом у костра… То бишь малютка Энни мечтала о приключениях, а единственное приключение, которое грозило перепасть викторианской девушке за всю её разнесчастную жизнь, – это замужество.

(К слову, перспективы последнего с определённого момента вызывали у миссис Хэймен некоторую тревогу, и она неустанно напоминала дочке, что к нежным фиалковым глазам и курносому носику совершенно не идут баранье упрямство и зловредное неприятие компромиссов. Но эта молодёжь сегодня никого не слушает, кроме своих дурацких блогеров.)

Итак, Энн выбрала Дикий Запад. В списке рекомендованных эта оболочка числилась, даже исторический период более-менее совпадал с родительским. Матушка повздыхала, а отец, человек взглядов самых либеральных, с лёгким сердцем выложил требуемую сумму.

А дальше приключилось нечто крайне огорчительное.

– Доброго здравия, мисс Энн! Прекр-расная погодка, согласны?

Энн споткнулась, вынырнула из тёмного омута воспоминаний и заозиралась. Навстречу вальяжно шёл Джим Бейкер, да ещё шляпу перед ней приподнял этак насмешливо, поди ж ты, перед обедом уже накачался.

– Что, упорхнул ваш сердечный дружок? Вот ведь досада…

Энн вспыхнула и, гордо задрав подбородок, прошествовала мимо. Не обращать же внимание на всякую пьянь. У неё своих забот полон рот.

В день своего семнадцатилетия Энни проснулась, исполненная самых радужных предвкушений. Она спустится к завтраку, и на столе её будут ждать подарки. А новенькая оболочка уже закачана и дожидается своего часа. После торжественного ужина, после первого в жизни Энн бокала «Вдовы Клико» (в

достойнейшей семье Хэймен женщины не прикасаются к спиртному, и правильно делают), после тостов в честь Энн и добрых напутствий, после огромного торта-безе и поцелуев с непременными слезами матушки, когда Энн уляжется в постель, перед сном, она инсталлирует ПО. И проснётся в совершенно новом мире, прекрасном и удивительном.

Итак, Энн спускается в столовую – и что же видит?

Отец, кажется, совершенно счастлив: он не без аппетита кушает яйца с беконом. Матушка обеими руками обнимает блюдо с тушёными почками, и вот она счастливой отчего-то совсем не выглядит.

– Эта особа… Она же одних лет с Энн…

Вот именно, отвечает батюшка, в этом-то вся и прелесть, ведь жизнь так коротка. К тому же она из «ревущих тридцатых», этот период всегда его привлекал. А вот от викторианских леди с их головными болями его, признаться, тошнит, и давно уже. Он несказанно счастлив, что его кровиночка выбрала другую дорогу в жизни.

Отец доедает омлет до последней крошки и дружелюбно смотрит на Энн.

– Но твоя дочь!

Разумеется, он желает детке всяческого благополучия. Ради неё он готов буквально на всё. Разве не он без единого возражения заказал и оплатил ту оболочку, которую она сама пожелала? Энн прекрасно устроится в жизни. Большее, увы, не в его силах, поскольку он, так уж вышло, совершеннейший банкрот – его поверенный подтвердит. Конечно, всё, что удалось спасти из его состояния, будет оставлено его дорогой супруге, какая жалость, что спасти удалось всего ничего.

Отец спокойно допивает чай, встаёт, ласково треплет Энн по голове с пожеланием удачи, а затем берёт в прихожей уже собранный саквояж и исчезает за дверью.

Матушка сохраняет неподвижность целую минуту, затем отпускает блюдо (почки весело раскатываются по половицам из дерева благородных пород), твёрдым шагом направляется к буфету, достаёт оттуда графин с портвейном и уходит в гостиную. Через какое-то время Энни нерешительно заглядывает туда, надеясь по мере сил её утешить, но матушку, очевидно, уже утешает подборка «Самые невероятные ДТП» с YouTube, и из горлышка ей вполне удобно, спасибо, дорогая.

Вот так и вышло, что Энн оказалась на Диком Западе почти без кредитов и почти без единой возможности их раздобыть.

С каждой минутой этих размышлений Энн мрачнела всё больше и к дому подходила уже чернее тучи. Вот ещё тоже – «к дому»! Да разве ж это дом?!

Первый день своих семнадцати лет Энни провела в лёгком шоке. Само собой, она знала, что новая оболочка полностью модифицирует интерфейс её взаимодействия с окружающим миром. Но не настолько же!

Ни одна инструкция не предупреждала, что наутро после твоего дня рождения в милом твоему сердцу викторианском особняке (изнутри дом, кстати сказать, изменился очень мало) появится поверенный отца, мистер Кавендиш, с известием о том, что особняк им больше не принадлежит. Ведь мистер Хэймен разорён до нитки, буквально дотла (здесь у мистера Кавендиша хватило совести слегка закашляться и временно спрятать лицо за большим клетчатым платком). Миссис Хэймен, которой мистер Кавендиш от всей души сочувствует, может рассчитывать на небольшую ренту, но ей с дочерью придётся подыскать себе другое обиталище.

Поскольку тем памятным утром миссис Хэймен вышла из спальни только затем, чтобы забрать из буфета в столовой графин с шерри, вести беседу с поверенным пришлось Энн. Изо всех сил пытаясь не обращать внимания на то, как изменились в её глазах причёска и гардероб поверенного, она поинтересовалась размером ренты.

Сколько-сколько?!

Мистер Кавендиш помялся, высказал предположение, что у её матушки, возможно, имеются собственные сбережения, а нет – так найдутся какие-нибудь родственники (и в помине не было), и отбыл.

Оставив Энн осознавать тот ошеломляющий факт, что кредитов им теперь хватит разве что на съём мышиной норки где-нибудь у чёрта на рогах. И то при условии, что они с матерью в ближайшее время научатся питаться фотосинтезом.

И вот сейчас Энни с раздражением оглядела кособокий и довольно облупленный дом, перед которым остановилась. Из соседского окна доносились звуки свары вперемешку с грохотом кастрюль и рёвом младенца. В запущенном палисаднике третий день валялись куриные кости и пустая бутылка.

Энн со вздохом достала ключ из вязаного кошелька и принялась подниматься в их съёмную квартирку по темноватой лестнице, на которой вечно пахло тушёной репой.

– Мама, это я!

Об этом Энн могла бы и не извещать: во-первых – ну а кто ещё, Джек-потрошитель? Во-вторых, непохоже, чтобы миссис Хэймен сейчас сильно взволновало бы даже это.

Уже настало время обеда, и Энн, скинув наконец ненавистный чепчик, прошла прямо на кухоньку, где достала со льда кастрюльку с бобами, луковицу и припасённую на чёрный день банку солёных груздков. Девушка зажгла газ на допотопной плите (все конфорки были в той или иной степени засорены), и вскоре лук аппетитно заскворчал на сковородке.

– Мам, обед готов!

Матушка не отзывалась, хотя Энн по опыту знала, что из каждого уголка их квартиры можно дозваться до любого другого, почти не повышая голос. Она убавила огонь, прошла по единственной комнате (четыре неширокие шага) и приотворила дверь в спальню. Миссис Хэймен ничком лежала на узкой кровати, не подавая признаков жизни.

Энн досадливо вздохнула, приоткрыла окно, чтобы хоть немного рассеять застоявшееся густое облако табачного дыма, вернулась на кухню и принялась за еду.

Да, такими темпами отпраздновать восемнадцатилетие ей не светит: кредиты кончатся, и она помрёт с голоду.

После обеда Энн забралась с ногами на скрипучую тахту, прикрыла глаза и вышла в сеть. Тропический остров… Причудливо-пёстрые рыбы, невиданные фрукты, огромные раковины, вынесенные на берег ласковыми волнами… И они с Саймоном…

Хм, да, Саймон. Что это нашло на него сегодня?

Наверное, он живёт в какой-то не очень дружественной оболочке, предположила Энн. Бывают ведь и такие. Луна, например. Или вот Заполярье. И находятся ведь фрики, которые их выбирают – ради острых ощущений, что ли.

Интересно, как там звучит его имя? Если он, например, при Людовике XIV – то он, конечно же, Симон… А если, скажем, в Крестовых походах, то…

Внезапно Энн вскочила, с ожесточением упёрла руки в бока и уставилась в окно. Соседский кот, кравшийся по карнизу, дико зыркнул на неё и метнулся прочь.

«Или погибну!»

А ну как это не фигура речи? Что, если Саю и впрямь угрожает опасность?

Нет никаких сомнений: он что-то задумал. И почти был готов открыться ей; возможно, ещё чуть-чуть – и он бы всё рассказал! А что, если он решил ограбить банк?! А вдруг ему нужна помощь?!

Сколько Энни себя помнила, Саймон всегда был где-то поблизости. Он жил в соседнем доме, когда она была совсем ещё девочкой, они ходили друг к другу в гости и вместе играли. Потом он стал умнеть, но не задавался перед подругой, а, наоборот, рассказывал ей целую уйму всяких вещей. И он был такой добрый, и красивый, конечно, тоже – глаза в особенности, – и всегда находил для неё

время, и так поддерживал в этой ужасной истории с отцом, даже помог переехать в эту жуткую дыру, и был по-прежнему любезен с матушкой… И теперь, когда сам Саймон в беде, Энн просто обязана ему помочь!

О, безусловно! Она сделает всё возможное и невозможное; да она горы свернёт, чтобы только прийти ему на выручку!

Глава третья,

в которой героиня настойчиво докапывается до правды

На утро следующего дня, едва прокричал петух за стеной у соседей, Энн торопливо проглотила чашку пережжённого кофе и кинулась предлагать Саю любую помощь и поддержку, какие только в человеческих силах. Но её ждало нешуточное потрясение.

Оттопав пешком верных три мили и в очередной раз прокляв собственную глупость (выбрала бы двадцатый век – каталась бы сейчас на метро), Энн наконец добралась до приличного района, где раньше жила сама и где по-прежнему обитал Саймон. Сай был сиротой и жил у бабки, достопочтенной миссис Эванс. Каковая и показалась на пороге собственной персоной после того, как Энн едва не оторвала напрочь дверной молоток.

– Кто вы? – вопросила старая леди весьма внушительным для её росточка голосом.

– Добрый день, миссис Эванс! Я – Энн Хэймен, вы, конечно, меня помните, – терпеливо объяснила Энн. Под бременем прожитых лет шарики в голове у миссис Эванс немного заезжали за ролики, но вообще она была старушкой приветливой и безобидной.

– Энни, дорогая! Ну разумеется, но тебя просто не узнать, ты так выросла! – что было беспардонным враньём, ибо миссис Эванс видела Энн никак не больше недели назад. – Ты очень вовремя, я как раз собиралась…

Энн не отказалась ни от чая, ни от цельнозерновых хлебцев, а вот Сая, к её огорчению, дома не было.

– Мне очень жаль, дорогая. Почему бы тебе ему не позвонить? – Старая леди подозрительно покосилась на Энн: она явно по-прежнему её не узнавала. Но предложение было вполне разумным. Досадно, что это не пришло в голову самой Энн, и хотя бы часом раньше.

Сай не отвечал. Даже больше: был недоступен. Худшие предположения Энн оправдывались.

– Вне зоны? – Миссис Эванс склонила голову набок, держа чашечку над блюдцем. – Ах, ну да. Он ведь в отъезде. Наверное, там слабое покрытие…

– В отъезде? Куда же он поехал?

– Хмм… Вот название-то я запамятовала, дорогая. Где-то на востоке, если я ничего не путаю. Но он предупредил, чтобы я не волновалась, это совершенно безопасно.

– Но зачем… Давно он уехал?

– На рассвете, – уверенно заявила миссис Эванс, а потом с не меньшей уверенностью добавила: – Или на закате… Вчера. Когда воздух посвежее.

– А далеко ли он направился? – постаравшись придать своей настойчивости как можно более мягкую интонацию, поинтересовалась Энни.

– Не близко, насколько я могу судить… – Старая леди призадумалась. – Но и не очень далеко, конечно. Как я понимаю, мальчик не на шутку заинтересовался фермерским делом. Очень разумно, на мой взгляд, налоги столько съедают, а молодому человеку надо твёрдо стоять на ногах.

Энн скептически вскинула брови. Её Саймон интересуется фермерством? Вот так новости! А вот она почти уверена, что картошка с брюквой ни единого дня в жизни не вызывали в нём ни малейшего интереса.

И тут внезапно Энн засомневалась: ведь молодому человеку и правда надо… То есть если планируешь обзавестись семьёй… Ферма, которая приносит доход, да и вообще – собственное хозяйство, небольшой уютный домик…

Дело говорит миссис Эванс!

– А когда он вернётся?

– О, буквально через пару дней… – беспечно отозвалась старая леди, деловито расправляясь с третьим хлебцем. – Неделя-другая – и он будет дома.

Ну, ясно, подумала Энни. Ладно, она узнает это сама. Рано или поздно дозвонится же она до него.

Распрощавшись с милой старушенцией, Энн в самом радужном настроении направилась в обратный путь. Она даже потратила битый час, торча перед витринами лавок, торгующих домашней утварью и платьем. Ведь ей непременно понадобится новая одежда, и два сервиза, столовый и чайный, и кружевные накидочки на мебель, и куча разных мелочей. Дай ей волю, Энн бы немедленно купила вот эту очаровательную скороварку на семью из десяти человек – ах, какая досада, что у неё так туго с монетой!

Внезапно Энни остановилась и прикусила кончик большого пальца. Что-то не сходилось.

Сай сказал ей вчера, что сменил оболочку месяц назад. Даже самая дешёвая оболочка всё равно стоит о-го-го, даже богатые люди такие покупки всего несколько раз в жизни и делают. А Сай ведь совсем не богат. И теперь он собирается ещё и ферму купить? На какие кредиты, спрашивается?

Энн медленно двинулась вперёд, не замечая, куда ступает.

Может, он уже ограбил банк?

И вот ещё что: он ведь только вчера спросил её, в какой она оболочке. А когда она ответила, удивился. То есть сам он месяц назад вовсе не на Диком Западе очутился, и до сих пор оболочки у них разные. Значит, в его мире вовсе не ферма

ему нужна, а что-то другое… Знать бы, где он сейчас, – можно было бы догадаться что?…

– Вот дьявол! – резко затормозив, Энн в сердцах топнула ногой.

…И тут же почувствовала, как её хватают за локоть и дёргают куда-то в сторону. Сразу же мимо прогрохотала запряжённая двойкой коляска, причём возница выразился гораздо грубее, чем она мгновенье назад.

Энни обернулась поглядеть на того, кто её спас, и открыла рот.

– Вам надо быть осторожнее, дитя моё. – Отец Маккена отпустил её локоть, добавив: – И впредь избегать слов, которые не пристали юной девушке.

К отцу Маккене Энн всегда относилась с большим уважением, но сейчас у неё слишком уж накипело.

– Это здесь они не пристали! А в каком-нибудь другом мире, может, юные девушки только так и выражаются, – запальчиво возразила она.

Святой отец не обиделся: он по-прежнему глядел на неё добродушно и снисходительно.

– Быть может, быть может. Но вы-то пока в этом мире. Вам нужно учиться жить по его законам.

– А я не хочу, – довольно-таки нелюбезно (зато и негромко) буркнула Энн.

Отец Маккена вздохнул и пробормотал себе в бороду что-то вроде: «Ну, ещё бы…»

– Пойдёмте, мисс Энн. Если вы направляетесь к дому, нам с вами по пути.

Делать нечего: девушка нехотя двинулась рядом со святым отцом, чувствуя, что уже порядком натёрла ноги. Солнце жарило вовсю, по улице то и дело проезжали экипажи, всадники и просто телеги, поднимавшие пыль, из переулков несло чем-то кислым, противным, и с каждым новым шагом из Энн

окончательно выветривалась любовь к Дикому Западу.

– Что вас тревожит, дитя моё? – Тон святого отца был таким мягким, что Энн брякнула, не успев подумать:

– Сай!

– Саймон Эванс? – переспросил отец Маккена и, помолчав, неожиданно поделился: – Да, признаться, этот юноша беспокоит и меня.

Энн удивлённо вскинула глаза:

– Почему? Что он сделал?

– Трудно объяснить, мисс Энн, – с сомнением в голосе ответил преподобный, аккуратно перешагивая через груду старых башмаков, по непонятным причинам лежавших у дверей суконной лавки. – А что в его поведении так взволновало вас?

– Мне тоже трудно объяснить, – сказала Энн. – Но Сай уже с несколько недель какой-то не такой. Вчера он говорил очень странные вещи… А потом исчез, очень внезапно, и это так странно и подозрительно! Понимаете, Сай просто никак не мог уехать куда-то надолго и не сказать мне!

Отец Маккена кивнул сам себе и с сожалением произнёс:

– Увы, я ожидал чего-то подобного.

Разволновавшись, Энн схватила его за рукав:

– Вы знаете, в чём дело? С ним что-то случилось?

Святой отец остановился и внимательно посмотрел ей в лицо:

– Скажите, дитя моё… Ведь вы с Саймоном помолвлены?

Энни вспыхнула как маков цвет – ой как нехорошо врать святому отцу! – и слегка охрипшим голосом выдавила:

– По… Почти.

Преподобный отечески ей улыбнулся:

– И вы боитесь, что он попал в беду?

– Да.

– Вы хотите помочь ему?

– Да, да! – Энни отпустила было рукав святого отца, но тут же вцепилась в него снова: – Пожалуйста, расскажите, расскажите мне всё!

Отец Маккена вздохнул и с улыбкой, в которой наметилась лёгкая грусть, сказал:

– Да уж, я вижу, придётся.

Домик у священника был небольшой, но очень уютный. Маленькая гостиная с окном на церковь, истёртые, но чистые полосатые половички из старых обрезков ткани, добротная тяжёлая мебель. Энн была здесь впервые и, пока святой отец занимался чаем, с опаской рассматривала фотографии на буфете – вторгаться в личную жизнь отца Маккены было как-то неловко. Чучело лосося, прибитое над дверью, бдительно следило за ней.

– Ну вот. – Святой отец поставил на низенький столик поднос. – Надеюсь, ты не очень голодна. Со сливками?

– Да… То есть нет, да не важно! – Энн присела на самый краешек кресла и вперила в собеседника настойчивый, требовательный взгляд.

– Ох, молодые годы… – Отец Маккена покачал головой. – Вечная спешка.

– Если Сай в беде, я должна торопиться! – возразила Энн. – Ну пожалуйста…

– Всё здесь не так просто, дитя моё. Скажи-ка мне… – Святой отец примолк, с великой сосредоточенностью вытряхивая пилюльки сукралозы в чашку. – Ты дала понять, что тяготишься своей нынешней оболочкой, не так ли?

– Ещё как, но какое это имеет…

– Будь твоя воля, что бы ты изменила в своей жизни?

– Ну как же… Закачала бы оболочку получше!

– А если бы ты по-прежнему чувствовала себя не на своём месте?

– Тогда я… – Энн призадумалась. Напрашивался ответ – снова сменить оболочку. Но кто так делает? Это слишком дорого. Четырёх-пяти оболочек хватает на всю жизнь, а многие ограничиваются двумя-тремя.

– Тебе никогда не приходило в голову, что в оболочках вообще есть что-то неправильное? – подсказал отец Маккена.

– Не… Неправильное – в смысле? – Энни слегка нахмурилась. – Так ведь ничего другого-то нет! Так устроен мир!

– Некоторые полагают, что есть и ещё что-то, – медленно проговорил святой отец, испытующе глядя на неё.

– Еретики! – Энн обрадовалась своей догадливости. – Объективная реальность, да? Но они же заблуждаются! Плутают, э-э, во мраке невежества и гордыни.

Ей показалось, что отец Маккена едва заметно поморщился, что было бы странно, ведь она вроде повторила дословно.

– Видишь ли, дитя моё… – Он поднялся, неторопливо подошёл к окну и заложил руки за спину. – Общепринятый взгляд на мир именно таков. Это освящённая многолетней традицией точка зрения. Но, по правде говоря, мы не можем знать точно – у нас нет доказательств.

– Истинная вера не нуждается в доказательствах, – машинально оттарабанила Энн прежде, чем успела прикусить язык. Кажется, сейчас отец Маккена ждёт от неё не цитат из Священного Писания, а чего-то другого.

– Именно так, именно так, – устало согласился святой отец, не поворачивая головы: – Но, видишь ли, у Саймона Эванса, боюсь, нет истинной веры. Его разум смущён, и душа пребывает в смятении.

– По-вашему, Саймон – безбожник? – притворно ужаснулась Энн. На самом-то деле она давно это подозревала: не она ли собственной персоной выслушала от Сая столько речей о смысле жизни и всяком таком? Ну и пусть безбожник, её это совершенно не огорчает.

– По-моему, Саймон – из породы ищущих, – мягко ответил отец Маккена. – И это прекрасно, это возвышенно. Но он ещё так молод… Он не в силах обуздать себя. Ему пока ещё неведома мудрость обладания знанием в бездействии. Саймону кажется, что знание обязательно должно нести перемены, и вот он мчит сломя голову, лишь бы добраться до этого знания, готовый немедленно воспользоваться его плодами…

– Святой отец, я не понимаю, – пожаловалась Энн. – Куда мчит?

Отец Маккена бросил последний долгий взгляд в окно и повернулся к ней:

– Я кое-что дам тебе. Возможно, тогда понять будет легче.

Преподобный отсутствовал недолго – кажется, поднимался в спальню. За это время Энни успела допить кофе (а у преподобного он гораздо вкуснее получается, чем у неё!) и истерзать свою овсяную лепёшку до состояния мелкого крошева. Отец Маккена вернулся, держа в руках книгу, и Энни пришлось пережить лёгкое разочарование: ну опять, всё то же «Сотворение инфомира». Скукотища, да ещё антикварная – на бумаге. Кто их вообще читает, бумажные-то?

– Возьми, – отец Маккена протянул ей компактный томик. – Здесь ты найдёшь все вопросы.

– Ответы, – машинально поправила Энн, опуская подарок в карман. Спасибо, конечно, хотя лучше бы что-нибудь про космических пиратов.

– Вопросы, – мягко повторил преподобный. – Ответы на правильные вопросы человек должен искать сам. Полагаю, именно этим и занят сейчас Саймон Эванс. Скажи-ка мне, дитя моё, зачем мы закачиваем, инсталлируем и активируем оболочки?

Энн невольно приподняла бровь: и это – правильный вопрос? Детсадовский же уровень.

– Они формируют нам локальную среду обитания.

– Конечно, – согласился отец Маккена. – Формируют за счёт фильтрации либо модификации входящего потока внешних сигналов. Так что, к примеру, наш собеседник может говорить на любом языке, а встроенный в оболочку переводчик сделает его речь понятной для нас.

– А ещё наш собеседник может говорить что-то своё, а мы, если у нас не такая оболочка, как у него, услышим совсем другие слова, – подхватила Энн, гордая возможностью похвастать эрудицией. Отец Маккена покивал:

– Я смотрю в окно и вижу башню Эйфеля, а мой сосед в другой оболочке, глядя на неё же, видит Пизанскую. И я вижу и осязаю на себе рясу капуцина, а для него я одет в хитон и сандалии.

– И каждый из вас свободен в своей информационной реальности, и это хорошо весьма, – с энтузиазмом докончила Энн. Святой отец помолчал.

– Но, конечно, нельзя грешить, – заметил он. – Убивать, например.

– Убивать нехорошо, – убеждённо согласилась Энни. Отец Маккена опять помолчал немного.

– А можешь ли ты, дитя моё, представить себе реальность без оболочек?

– Не могу, – не раздумывая, ответила девушка.

– Вот-вот. – Святой отец сел напротив и уложил руки на подлокотники. – Ты не можешь. Даже мне, признаться, это трудновато – я ведь немало пожил на свете. – Преподобный смотрел теперь не на девушку, а куда-то настолько далеко, что Энн на ум пришла только Австралия. – А Саймон, видишь ли, смог.

До Энн, наверное, не полностью дошёл смысл слов святого отца. Ведь это же идиотизм какой-то, право слово.

– Он что… Думает, без них лучше?

– Видишь ли, Саймон не делился со мной всем, что у него на уме. Наши беседы были по большей части отвлечёнными. Однако… – Святой отец наконец-то вспомнил про остывший кофе, отпил глоток и поморщился. – Однако, как мне кажется, я понял его. Он убеждён в том, что оболочки есть зло, а подобная вера может подтолкнуть человека с развитым абстрактным мышлением к самым радикальным поступкам.

– Это к каким?

Святой отец пожал плечами.

– Он может попытаться избавиться от оболочек. Попробовать стереть всё своё программное обеспечение подчистую и вернуться к допрограммному существованию.

В этот момент настенные часы крякнули, охнули и под звук литавр исторгли из себя кукушку на пружине. Энни машинально моргала в такт – одиннадцать раз. А потом у неё вырвалось:

– Господи, ну что за придурок!

Глава четвёртая,

в которой главная героиня демонстрирует выдающееся умение поставить на своём

– Извините, святой отец. – Энн схватила свою чашку с подноса и хмуро заглянула внутрь. Содержимое никак не подняло ей настроения.

– Надо понимать, тебе, дитя моё, этот шаг видится как… неумный? – осведомился отец Маккена, пряча улыбку в бороде.

– Не… Не в том дело, – постаралась исправиться Энни: верность Саю уже опять возобладала в её сердце над всем остальным. – Просто он же знает, что от них никогда не избавиться полностью. Это же невозможно.

Преподобный серьёзно кивнул:

– Ты имеешь в виду, что при смене оболочки ничего не удаляется и каждая следующая версия записывается поверх предыдущей.

– Ну да. Скачиваешь обновление, потом устанавливаешь. – Энни пожала плечами, мельком взглянув на святого отца, и что-то в выражении его лица её насторожило: – Что? Разве не так?

– Конечно, – успокоил её преподобный. – В случае проблем с оболочкой, какие возникают не так часто, её можно переустановить. Но не удалить, поскольку без оболочки наш интерфейс будет… недоступен для взаимодействия. Неуправляем. И в конечном итоге нежизнеспособен.

Теперь Энн уже яснее ясного видела, что отец Маккена что-то недоговаривает. Она выпрямилась в кресле:

– Святой отец! Вы мне помогаете или как? Раз уж начали – рассказывайте до конца!

Это было, конечно, очень грубо. И совершенно не пристало юной девушке. Но Энни было всё равно: и так уже понятно, что в этом мире она – не пришей кобыле хвост.

Святой отец слегка поднял брови, но выговаривать ей не стал.

– Видишь ли, дитя моё, существуют особые люди. Сказать по совести – тёмные личности. Взломщики, так их называют. Ходят слухи, что им под силу многое из того, что настройками системы вообще-то не предусмотрено.

– Как это?

– Ну вот, предположим, некий слабовольный человек одержим желанием закачать себе оболочку из самых дорогих. Он собрал определённую сумму… Но её недостаточно, а копить кредиты ещё десятки лет этот человек не хочет. Тогда он находит взломщика и передаёт эту сумму ему. И обзаводится-таки выбранной оболочкой.

– И это незаконно? – полуутвердительно спросила Энн, чьё любопытство разгорелось не на шутку.

– Разумеется. Это незаконно, потому что человек получает желаемое, не уплатив назначенную за это цену. – Отец Маккена помедлил, а потом заметил: – Но на снос системы не установлена цена: ведь самой такой опции не предусмотрено. Так что, если бы нашёлся такой взломщик, который бы помог кому-то стереть оболочки… Формально это не было бы преступлением.

– Поня-атно… – протянула Энн, с некоторым удивлением отметив про себя, что её, оказывается, почти не волнует то, насколько затея Сая законна. Волнует её совсем другое. – А что произойдёт… В смысле, если удастся удалить оболочки насовсем – человек, он как бы… что?

Святой отец развёл руками:

– Этого я не знаю. Я ни разу не слышал о таких случаях. Должно быть, эффект будет ошеломляющим, и лично мне не представляется возможным, чтобы нервная система выдержала такой шок. Но если человек не погибнет, то, несомненно, переменится безвозвратно.

Энни возмутилась: опять это «погибнет»! Саймон-то?! Да кто ему позволит?! И чтобы он менялся – тоже вовсе ни к чему, он ей и так очень даже нравится. В глазах отца Маккены читалось понимание; наверное, он также считал, что Сай и в текущей версии достаточно хорош.

Решительно встав, девушка резким движением стряхнула овсяные крошки с подола на чистенький половичок преподобного.

– Так вы думаете, что Сай нашёл… Взломщика?

– Думаю, нашёл.

– Но вы не знаете, кто этот взломщик… Да?

– Отчего же… Пожалуй, знаю. – Отец Маккена посмотрел на неё задумчиво и прямо и, как бы извиняясь, добавил: – Понимаешь, дитя моё, я же священник. Мне доверяют многое.

Девушка едва не подпрыгнула на месте:

– Так скажите же мне! Кто он? Как мне к нему попасть?

– Нет, – коротко ответил отец Маккена, и в этом слове, прозвучавшем довольно мягко, было тем не менее столько непреклонности, что Энн сразу поняла: преподобный ничего ей не расскажет.

С минуту она буравила святого отца взглядом, а потом с досадой хлопнула ладонями по собственной юбке:

– Почему?!

– Причин довольно. – Преподобный тоже поднялся из кресла. – А мой долг – по мере сил заботиться о своей пастве. Удержать Саймона от опрометчивого шага оказалось не в моих силах, но юной, неискушённой девушке следует быть разумнее… И скромнее.

Энни едва не чертыхнулась: о, как же ей надоело всё это занудство о «юной девушке»! И почему только оболочки не могут менять пол и возраст!

Отец Маккена положил руку ей на плечо:

– Гордыня и тщеславие – подлинные враги рода человеческого, – проникновенно сообщил он. – Научись смирению, дитя моё, и ты проживёшь долгую, мудрую жизнь.

«Коли так, то в топку такую жизнь! – яростно подумала Энн. – Я хочу короткую и глупую. И с Саймоном!»

Вихрем вылетев от преподобного, девушка заозиралась по сторонам в поисках какой-нибудь преграды, которую можно было бы сокрушить, но не увидела ничего, более стоящего внимания, нежели пара грязно-серых голубей, пребывавших в тяжких раздумьях по поводу не перейти ли им улицу.

В груди у Энн бурлило, словно там пробудился небольшой вулканчик, который теперь зевал и разминался со сна. Надо что-то делать, и немедленно! Сай влип в невероятную, наверняка опасную историю, а она, видите ли, должна сидеть сиднем и учиться смирению – ну уж фигушки!

Значится, так, сказала себе девушка, принявшись расхаживать по улице туда-сюда, не обращая внимания на косые взгляды случайных прохожих. Если Саймон нашёл этого взломщика, то и она его найдёт. Нужна только хоть самая малюсенькая зацепка.

Энни резко повернулась на каблуках и отправилась в «Два барабана».

Владелица центральной точки повышения криминогенности района была дородной женщиной неопределённого возраста с полудюжиной подбородков, устрашающим цветом волос, избалованным высокомерным котом и неистребимой страстью к сплетням. К мадам Жак прибегали как к универсальному источнику информации о ближних, в особенности – об их пороках, слабостях и совершённых на жизненном пути ошибках.

Энн была, конечно, выше подобной грязи и пошлости. Но цель оправдывает средства.

Дойдя до побитых жизнью ступеней салуна, девушка замедлила шаг. Похоже, ситуация для неё осложнялась. В «Двух барабанах» затевалась драка.

Из помещения, внутренности которого преимущественно скрывали створки маятниковых дверей, доносились возбуждённые и яростные выкрики. Содержание реплик было такое, что юная и всё такое прочее девушка должна была бы немедленно ринуться прочь. Энни тряхнула головой и поднялась на веранду.

На веранде обнаружились двое посетителей. Похожий на сома мистер Макинтош созерцательно навис над кружкой тёмного пива и не обращал на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Зато Джим Бейкер, гнусный тип и нахал, восседавший верхом на стуле, напротив, с видимым интересом прислушивался.

– Вот те на – мисс Энн! Пришли пропустить стаканчик? Не рановато ли?

Не удостоив грубияна взглядом, Энни смело прошла через веранду, толкнула дверную створку и сделала шаг внутрь. В ту же секунду её оглушил чей-то бычий рёв; прямо перед лицом метнулось в сторону некое тело, следом за телом пролетела табуретка, затем послышался грохот рассыпающейся под тяжестью всё того же тела мебели. Энни быстро глотнула воздуха, и тут же из-под соседнего стола ей под ноги выкатились сцепившиеся в клубок двое, где-то разбилось что-то стеклянное, из-за стойки раздался вопль разъярённой мадам Жак, Энн едва успела отшатнуться от пятящегося на неё типа, вооружённого табуреточной ножкой, поспешно шагнула назад, за створки, и выдохнула.

– Ого, уже? – насмешливо поинтересовались у неё за спиной. – Да вы спринтер.

Энн отошла подальше от дверей, в сердцах схватила ближайший стул и уселась спиной к Джиму Бейкеру. Мистер Макинтош вдруг издал раскатистый всхрап в свою кружку.

– Вижу, мисс Энн, вы горите желанием скрасить моё одиночество своей компанией. Это невыразимо лестно. Но всё же…

– Я жду, когда освободится мадам Жак, – сквозь зубы процедила Энн, не оборачиваясь. – У меня к ней дело.

– В таком случае, боюсь, вам светит прождать до завтрашнего утра. У мистера Дэвидсона зуб на Доходягу Билла аж с марта месяца – а именно, со дня таинственного исчезновения от дверей этого самого салуна его каурой, к чему,

между нами говоря, Доходяга вовсе не причастен.

Энн против воли фыркнула: Джим Бейкер говорил таким заговорщическим тоном, словно и увёл ту каурую самолично. С него станется, между прочим. Чтобы Джим хоть день в жизни работал – об том никто в округе слыхом не слыхивал, а всё ж кредиты на то, чтобы целыми днями торчать в «Двух барабанах», у него имеются. Вчера, вон, до самого обеда здесь ошивался – она ещё столкнулась с ним по пути, а он буркнул что-то злорадное.

Стоп-стоп… Он буркнул…

Энн сильно потёрла висок. «Упорхнул ваш дружок», – что-то вроде того Джим вчера сказанул. Она тогда, само собой, подумала, что он это про Сая – но Сай ушёл от неё в другую сторону, Бейкер никак не мог его встретить. Значит, он это про отъезд Сая говорил? А откуда бы ему про это прознать? У них с Саймоном ничего общего нет и быть не может – если только…

Перекрутившись в талии, Энн упёрлась локтем в спинку стула и пристально всмотрелась в Джима Бейкера, словно видела впервые в жизни. Немного постарше Сая, пожалуй, или ровесник – кто его разберёт под этой жуткой щетиной. Росту среднего вроде, довольно крепкий, глаза тёмные, быстрые и вовсе не глупые. Работы – нет. Кредиты – есть. Хмм…

– Пощадите, мисс! – насмешливо взмолился Джим. – Вы в моей физиономии вот-вот дырку прожжёте, а она мне дорога.

– Вот что я скажу вам, мистер Бейкер, – медленно начала Энн, – я кое-что знаю о ваших делишках. Кое-что такое, что может очень и очень заинтересовать шерифа Кейси.

Угроза была не пустой. Неважно, в какой там оболочке живёт Джим Бейкер: силы правопорядка в виде шерифа, старшего следователя, инспектора Скотленд-Ярда – да хоть римского префекта! – везде одинаково действенны.

– Я в смятении, – спокойно отозвался Джим, кинув на неё любопытный взгляд. – Что, так-таки знаете? Могу поклясться, что я ни при чём: когда кобылка молодая да горячая, стоит покрепче привязывать поводья.

– Насчёт ваших проделок с поводьями мне ничего не известно, – возразила Энни, идя ва-банк, – но я точно знаю, что новая оболочка, которую Саймон Эванс загрузил месяц назад, – ваших рук дело. Вы – взло…

Дверцы салуна распахнулись, и из них головой вперёд вылетел маленький человечек в огромных сапогах. Скатившись кубарем по ступенькам, он шлёпнулся на дорогу, подняв тучу пыли. Мистер Макинтош протяжно застонал и немного осел на стуле.

– Неудачный день сегодня у Доходяги, – констатировал Джим. – Я, собственно, так и думал.

Он не спеша слез со своего стула, лениво подошёл к Энн, облокотился о стол и понизил голос:

– Дорогая моя мисс, вам бы стоило хорошенько пораскинуть мозгами, буде таковые имеются, прежде чем бросаться подобными словами на людях.

– А вы меня не учите, Джим Бейкер! – вспылила Энни, изо всех сил скрывая радостное изумление: смотрите-ка, кажется, она угадала! – Вы преступник, и мой гражданский долг – поставить в известность служителей закона!

– Ну-ну. – Джим ухмыльнулся. – А как же с вашим бесценным Саймоном? Если я и наиграл тот мотивчик, о котором вы толкуете – а я вот что-то не припомню такого, – заказывал-то музыку он. Вы готовы и его предать в руки правосудия?

Изнутри салуна доносились одобрительные возгласы и грохот передвигаемой мебели. Энни растерялась всего на секундочку, а потом решила – играть так играть! Пожалуй, сейчас выгодно прикинуться гораздо более глупой, чем она есть в действительности:

– Саймону грозит кое-что похуже шерифа! – сдавленно заголосила девушка. – Я знаю: то, что вы с ним сделали, жутко опасно! С ним непременно случится что-то ужасное, если я не остановлю всё это! Пусть лучше его арестуют, чем он умрёт!

– Умрёт? – задумчиво переспросил Джим. Похоже, её блеф удался, ура, ура! Всё же есть свои преимущества в том, чтобы быть юной невинной овечкой… То есть,

по сути, безмозглой овцой. – Не думаю. Ненаглядный ваш Саймон, конечно, недотёпа, каких поискать, но вряд ли ему хватит храбрости скопытиться. Тронется умом – вот это вероятнее.

– Да как вы смеете! – уже в голос взвизгнула Энн, и мистер Макинтош, не просыпаясь, поспешил обеими руками обнять свою кружку. За дверцами «Двух барабанов» слышались хлопки пробок от шампанского и игривый смех мадам Жак. Маленький человечек на дороге подал первые признаки жизни.

– Умоляю, мисс, пожалейте мои барабанные перепонки. – Джим Бейкер зацепил носком сапога ножку соседнего стула, подтянул его поближе к Энн и уселся – опять верхом, ну совсем не умеет человек держать себя в приличном обществе. – Лучше объяснитесь. Вы ведь вряд ли поведали мне о своих намерениях наведаться к шерифу по одной только доброте душевной, дабы дать мне возможность унести ноги из города? Так чего вы, собственно, хотите?

– Где Саймон? – в лоб спросила Энни. – Вы это знаете?

– Предположим, – медленно проговорил Джим.

– А знаете, как отменить… Как вернуть его обратно?

– Предположим.

– И снова загрузить ему оболочку.

– Может быть.

– Тогда вы отведёте меня к нему, – безапелляционно заявила Энни. – И сделаете… Ну, всё, что полагается, вам лучше знать.

Джим заломил бровь, задумчиво поглядывая на девушку:

– И вас, конечно же, никоим образом не смущает то, что ваш Саймон – взрослый человек со свободой воли и законодательно закреплённым правом выбора? Ведь он сам захотел то, что получил.

– Не смущает, – отмахнулась Энн. – Он просто не понимал, что делает. Это была огромная ошибка.

– Не уверен, – заметил Джим Бейкер и вдруг, качнувшись на ножках стула, приблизился к Энн. Теперь в салуне пели. Целиком покрытому пылью маленькому человечку уже удалось подняться на четвереньки, и он мотал головой, как корова, которую донимают слепни. – А вы действительно хотите, чтобы он вернулся? Насколько сильно?

– Настолько, чтобы его вернуть!

Джим потёр указательным пальцем нижнюю губу и склонил голову набок:

– А если для этого понадобится слегка поступиться своими принципами?

Энн сдвинула брови, немного растерявшись. О чём речь?

– Ага! Вот вы уже и колеблетесь, да? – насмешливо заметил Джим.

– Вовсе нет! – оскорбилась девушка и твёрдо бросила: – Я сделаю всё – слышите, всё, что нужно, чтобы спасти Сая! Всё, что в человеческих силах, ясно вам?! И, если вы мне не поможете, богом клянусь, я натравлю на вас всю полицию штата!

– Ах, ну конечно, – с важным видом кивнул Джим – Спасти того, кто вовсе не просит, чтобы его спасали, – это, как вы сказали, гражданский долг любого. Что ж, мисс Энн… – Он внезапно встал и проводил глазами маленького человечка, целенаправленно уползавшего на карачках по улице. – Считайте, вы меня уломали. Мы выезжаем завтра на рассвете. Встретимся у… Да хоть бы и здесь. Возьмите еду, тёплую одежду и лошадь повыносливей: путь будет неблизкий. А сейчас… – Джим насмешливо прикоснулся двумя пальцами к шляпе. – Прошу меня извинить, у меня важное дело до мистера Макинтоша. Он, видите ли, ставил на Доходягу.

В этот момент на веранду, не без труда протолкнувшись через створки-качели, вывалилась развесёлая компания под предводительством мадам Жак, и Энн сочла за лучшее удалиться. Денёк и без того выдался насыщенным, и какая же она молодец! Разговорила святого отца и Джима Бейкера взяла в оборот… Энни

даже подумалось, что всё вышло у неё как-то чересчур легко, но она была слишком довольна собой, чтобы забивать этим голову.

Глава пятая,

в которой путешествие оказывается не очень приятным – но и не очень долгим

Соседский петух ещё видел десятый сон, когда Энни подошла к «Двум барабанам», отягощённая довольно вместительной котомкой. В котомку уместились разные мелочи, а также четверть головки сыра и две лепёшки – то есть ровно половина всех имевшихся дома съестных припасов. Вторую половину Энн заботливо выложила на стол для матушки, накрыв вафельным полотенцем с пришпиленной к нему коротенькой запиской.

Клочок бумаги, в которую когда-то была завёрнута грудинка, беззастенчиво врал, что дочка едет посмотреть ферму, глянувшуюся Саймону, и вернётся назавтра с утра. Было более чем вероятно, что назавтра матушка не вспомнит, что уже видела записку вчера. И напослезавтра тоже. По сути, оставив составленное таким образом послание, Энн могла бы вообще не возвращаться.

Солнечные лучи ещё только поглаживали улицу, немноголюдную по причине раннего часа. Где-то на крышах звонко чирикали мелкие птахи. «Два барабана» дышали небывалым умиротворением.

И, разумеется, ни у салуна, ни где бы то ни было в зоне прямой видимости не было заметно и следа Джима, чёрт бы его побрал, Бейкера.

Энн закрыла было глаза, но тут же открыла обратно: Джима в списке её контактов отродясь не было – как она ему чирикнет? Становилось зябковато. Девушка прошлась вдоль «Барабанов» сначала в одну, затем в другую сторону. Потопала ногами. Потопала ещё, уже сильнее. Потом от души пнула балясину веранды.

С веранды внезапно послышались низкие звуки, с которыми кто-то невидимый прочищал горло. Спустя пару секунд над балюстрадой показалась голова

мистера Макинтоша.

– Добрый вечер? – сипло пробормотал он с вопросительной интонацией.

– Утро, – с некоторым раздражением поправила Энн. – С полчаса как рассвело.

– А-а… – Мистер Макинтош ещё добрую минуту откашливался, а затем вежливо поинтересовался: – Могу ли я чем-то помочь юной леди?

– Вряд ли. – Чтобы не возникло недоразумения по поводу её рассветного дежурства у салуна, Энн пришлось объяснить: – Я жду Джима Бейкера. Он должен с минуты на минуту быть здесь.

– Джим Бейкер? – протянул мистер Макинтош. – Что-то вы напутали, мисс. Чтоб Джим Бейкер поднялся с рассветом? Это надо, чтоб адская бездна у него прямо под кроватью разверзс… врз… зрлась. Да и то он ещё подумает.

Энни подавила желание выругаться: в последнее время оно посещало её непростительно часто.

– А где он живёт, вы не знаете?

В осовелых глазах мистера Макинтоша отразилось сомнение:

– Не подскажу, мисс. Вы подходите часикам к одиннадцати. Вот тогда уж он будет туточки, душу готов прозакладывать.

Поблагодарив собеседника, Энн неуверенно двинулась прочь от салуна. Похоже, ничего другого ей действительно не оставалось. И похоже, Джим Бейкер таки её надул.

Девушка приблизилась к церкви – заведение мадам Жак нахально расположилось прямо напротив божьего дома, – и посмотрела на башенные часы. Ну да, всего каких-то полдня ждать! Среди розовых кустов, высаженных у церковных дверей и постоянно пребывающих на грани трагической смерти, она углядела чью-то спину. В тёмном облачении.

– Доброе утро, святой отец!

Отец Маккена, держащий в руке садовые ножницы, обернулся к ней с приветливым выражением лица. После долгого взгляда на Энн выражение сперва застыло, а затем сменилось сокрушённой гримасой:

– Доброе утро, дитя моё. Увы, я вижу, что мои старания пропали втуне.

Энн недоумённо посмотрела сперва на преподобного, затем вниз, на свой костюм. Ну да, вчера она успела заскочить в лавку готового платья. И к мистеру Симсу, торговцу подержанными вещами. Теперь Энн красили бесподобные кожаные штаны на шнуровке, свободная и когда-то белая рубашка, ковбойская шляпа, слегка потёртая, а также шикарные сапоги с каблуками – разношенные до совершенной мягкости, но так даже удобней.

Ещё, встав дома перед треснувшим зеркалом в ванной, Энни распустила пушистые русые волосы и недрогнувшей рукой отхватила их по самые уши, так что после сна у неё на голове образовалось некое подобие клубка перекати-поля. И при чём тут старания преподобного – он же не говорил, что Господь не любит стриженых?

– Ты всё же нашла способ узнать то, что хотела, – печально сказал отец Маккена. – Что ж… Видно, была на то воля свыше.

– Какое-то время я буду в отъезде, – как могла небрежно произнесла Энн. – Прошу вас, святой отец, если у вас найдётся минутка – загляните к моей матушке. Она не очень привыкла одна.

– Не тревожься, дитя моё. Я присмотрю за ней. И… – Святой отец помедлил, как бы взвешивая некие таинственные «за» и «против»: – И я бы на твоём месте сейчас поспешил на южную окраину. Да, я бы поторопился.

Несколько секунд Энн никак не могла уразуметь, о чём это преподобный толкует. А потом её лицо внезапно озарилось:

– Спасибо!

Подхватив шляпу и больше не оборачиваясь, девушка припустила во весь дух. Только и успела услышать: «Будь осторожна, дитя моё, и да хранит тебя…»

Когда, совершенно сбив дыхание и раскрасневшись, Энн добралась до южной окраины, сразу стало ясно, что она успела очень вовремя. Девушка выскочила на дорогу, уводившую прочь от города, и едва не налетела на лошадиный зад.

– А ну, стой! – Энни вцепилась бедной лошадке в хвост и повисла на нём всем весом. Испуганно заржав, лошадь затормозила и резко попятилась, отчего отчаянно зевающий всадник ойкнул, пошатнулся в седле и, комично взмахнув руками, полетел в пыль.

– Что это вы задумали, Джим Бейкер? Решили меня облапошить?

С Бейкера, похоже, слетел весь сон. Свой подъём на ноги он сопроводил длинной и витиеватой фразой, которая всё никак не заканчивалась, пока Джим не предстал перед Энн во всём своём великолепии – встрёпанный, пыльный и злой, как шершень.

– Ради всего святого, на что это ты похожа и какого треклятого чёрта тут делаешь?!

– А ты-то что делаешь здесь?! – взъярилась Энн. – Помнится, мы условились встретиться у «Двух барабанов»!

– Помнится, когда-то место бабы было у печки! – отрезал Джим. – Прекрасные были времена!

От такой наглости Энни едва не потеряла дар речи, но живо опомнилась:

– Вот что, Джим Бейкер! Я слов на ветер не бросаю. Намерился слинять – скатертью дорожка! Только учти, отсюда до полицейского участка ровно пятнадцать минут ходу, а ради тебя я, так уж и быть, постараюсь за десять управиться.

Джим набрал было воздуха, да так и замер, надувшись индюком, что Энн не преминула с удовлетворением отметить. Лошадка, явно недовольная

посягательствами на её хвост, протяжно фыркнула и цокнула копытом. Масти она была, между прочим, каурой – и это Энни отметила тоже.

– Да чтоб тебя! – наконец выдохнул Джим, с чувством сплюнув на дорогу. – Вот ведь попутал нечистый связаться с твоим малахольным…

– А ну-ка, придержи язык! – оборвала его Энни. – Ты Саймону и в подмётки не годишься!

– Ну-ну, – усмехнулся Джим, с пристрастием охлопывая себя со всех сторон – при каждом хлопке в воздух взлетало маленькое пылевое облачко. – Только тебе-то к нему, распрекрасному, в моей компании придётся добираться, как бы это нас обоих ни печалило. Так что заруби себе: ещё раз попробуешь вот этаким тоном мне приказы отдавать – неделю потом присесть не сможешь. Излупцую так, чтоб на всю жизнь запомнила.

– Заявление вполне в твоём духе, – с презрением уронила Энн. – Чего от тебя и ждать…

– Много ты о моём духе знаешь, – проворчал Джим и с лёгкостью вскочил в седло. Каурая лошадка бодро заплясала на месте. – Где твоя лошадь?

– У меня её нет, – с достоинством отозвалась Энн: отец Маккена не раз высказывался в том смысле, что бедность – не порок.

– Ну что за дурочка, господи! Я же сказал: возьми лошадь, путь неблизкий!

– Ну да, а ещё ты сказал, что встретишь меня на рассвете у «Двух»…

– Забыли! – свирепо гаркнул Джим и оглядел её фигурку с головы до ног и обратно. – Ну и пугало, ей-богу… Весишь сколько – фунтов сто с небольшим?

Оскорблённая до глубины души, Энн выпрямила спину:

– Ты совсем без ума уродился, Джим Бейкер?! Я девушка! Может, ещё про возраст мой спросишь?!

– Ты – девушка? Вот спасибо, посмешила… Ладно, залезай.

Наклонившись в седле, Джим протянул ей хлыст. Энни ни за что в жизни не призналась бы ему, что ей до сих пор ни разу не доводилось садиться на лошадь, так что они порядком провозились, а Джим порядком озверел и был-таки вынужден в конце концов спешиться, чтобы её подсадить.

Сидеть позади было жёстко, тряско, а чуть позже – и скучно.

– Куда мы едем? – Энн догадалась спросить, только когда Джим вдруг свернул с дороги и они потрусили целиной.

– В Колпино, – буркнул Джим. Из-за его спины Энн было почти не видно ничего впереди; к тому же ей приходилось обонять Джимову куртку, которая явно служила хозяину верой и правдой со времён Потопа, ни разу не осквернённая прикосновением щётки или мыла.

– Куда?!

– Не знаешь – не спрашивай.

Вообще-то Энни знала: топонимы оболочками не локализуются – иначе ведь полная неразбериха бы вышла. Но этот топоним почему-то звучал в контексте Дикого Запада уж больно странно.

– Ну и зачем нам в это Колпино?

– Мне – просто так, приятеля навестить. А тебе – затем, что твоего драгоценного я как раз к этому приятелю отправил.

– Зачем?

Притормозив, Джим вывернул шею так, что аж страшно стало, и уставился на Энн:

– Знаешь… Я вот безумно люблю в одиночку путешествовать. Ну просто обожаю. А знаешь почему? – Энн догадалась, что ответ не требуется, и смолчала. –

Потому что, когда ты путешествуешь в одиночестве, никто не нарушает изумительную, чарующую, самим Господом богом нашим созданную для этого мира ТИ-ШИ-НУ!

На это Энн, естественно, обиделась, и следующие несколько часов прошли в столь милом сердцу Джима безмолвии.

По их истечении Энн чувствовала себя так, словно она – заржавевший робот с давным-давно погибшей планеты. Ноги ломило, спина затекла, а та часть тела, о существовании которой юные и неискушённые девушки вовсе и не догадываются, при каждом шаге каурой взывала о пощаде.

Чтобы отвлечься от малоприятных ощущений, девушка старательно разглядывала окружающий пейзаж. В детстве её возили на море, но то было совсем другое дело: поезд, носильщики, постоянная суета и полный комфорт. А сейчас она – в настоящем путешествии! Это же так интересно, так увлекательно!

Правда, местность, по которой они проезжали, была явно выдумана кем-то, не обладавшим даже самыми малыми зачатками фантазии. Уже к концу первого часа пути взгляд Энн равнодушно скользил по спёкшейся жёлтой земле, редким пучкам сухой травы, если повезёт – цеплялся за монументальный куст репейника. А два часа спустя вся увлекательность путешествия в глазах Энн не стоила хотя бы получасика отдыха на любой мягкой поверхности, с чашечкой чая под рукой и желательно – лёжа.

Меж тем Джим, похоже, решил преподать ей урок и даже не думал объявлять привал. Время от времени делал глоток из фляги да принимался насвистывать какой-то бодрый мотивчик. Вконец измученная, Энн решила прибегнуть к хитрости:

– Джим… А ты ещё не проголодался?

– Хмм… – По мнению Джима, этот вопрос, очевидно, требовал глубокого самоанализа. Прежде чем услышать ответ, неназываемой части тела Энни пришлось вытерпеть ещё не меньше десятка лошадкиных шагов. – В общем-то, можно и поесть. Тебе там сподручно?

– Само собой, нет! – отчаянно запротестовала девушка. – А чай? Как я его тебе тут приготовлю?

– Ну, раз уж ты так хочешь приготовить мне чай… – нахально подчеркнув местоимение, Джим тронул поводья, и каурая послушно встала. – Тогда слезай.

Они остановились прямо посреди пустоши: лошадь – и то не к чему привязать. Пока присмиревшая Энн бродила вокруг в поисках хоть каких-никаких прутиков, Джим снял притороченное к седлу одеяло, разложил на земле и с удовольствием развалился поверх, подложив под голову одну из седельных сумок. Помогать с обедом он явно не собирался.

С грехом пополам Энни удалось набрать охапку сухой травы и даже выдрать из земли какой-то древний-предревний корень (надо же, здесь когда-то росли деревья…) Затем она извлекла из своей сумочки огниво, гребёнку, вчерашнюю газету, сахар, заварку, зеркальце, чашку-непроливайку, «Сотворение инфомира», сыр, лепёшки, карамельку, щипчики для ногтей, карандаш, три заколки для волос, кусок пемзы, пузырёк с болеутоляющим и мыло. Что-то в этом наборе казалось явно лишним, но просто одно без другого не вытаскивалось.

Джим придирчиво взвесил сыр на ладони:

– Это что, всё? Я же сказал – возьми еду, путь будет…

Энн заглушила его громким треском: она усердно разламывала корень на куски. Вскоре ей удалось сложить миниатюрный шалашик и даже поджечь его с первого раза. Она старательно раздула пламя, отлила воды из седельного бурдюка и торжественно уселась у костерка, держа ковшик над пляшущим огнём.

– Младшая школа на выездной экскурсии… – вздохнул Джим, скептически наблюдая радостное возбуждение на лице спутницы.

– Послушай-ка, Джим, – когда заварка уже плавала в кипятке, настаиваясь, Энни вновь почувствовала себя уверенно, – а мы не могли доехать в это твоё Колпино поездом?

Джим потянулся за лепёшкой, оторвал кусок, кинул в рот и задумчиво пожевал. А потом задал странный вопрос:

– Что ты имеешь в виду?

– Поезд, – терпеливо и медленно повторила Энни ему, как маленькому. – Это такая штука на колёсах, которая ездит по рельсам. Она быстрее, чем лошадь. – Девушка попыталась усесться поудобнее и поморщилась. – И сиденья там гораздо мягче.

– Ну, ясно… – протянул Джим и помолчал. – Нет, поездом не могли. У меня в оболочке их нет.

Энн невольно подумала: всё-таки непонятная штука этот мир. Вот у неё в оболочке поезда есть. А у Джима их нет. А на самом-то деле – есть они или нет?

Это опять была безбожная мысль. Натуральная объективно-реалистическая ересь. Обычно такие мысли приходили ей в голову – и то мимоходом и очень ненадолго, – только во время разговоров с Саймоном. Бедный Сай, что же с ним сейчас происходит…

– Ты стёр Саю оболочки? – напрямик спросила Энн.

– Не-а. – Джим Бейкер продолжал методично набивать рот. – Я только послал его к тому, кто может это сделать.

– Этот твой приятель?

– Ага.

– Так сам ты, выходит, ничего такого не умеешь?

Джим перестал жевать и сумрачно глянул на неё.

– Умею. Просто он умеет больше.

– Не умеешь, – убеждённо заявила Энн, изучая Джима, его выцветшую шляпу и ископаемую куртку. – Если б умел, был бы, уж наверное, побогаче.

– Откуда тебе-то знать, богатый я или бедный? – Джим был раздосадован. – Говорят тебе – умею. И много чего.

– Ну, чего, например?

Джим посмотрел на неё тяжёлым взглядом, как бы что-то взвешивая.

– Ладно, сама напросилась, – зловеще пробормотал он и выпрямился. – Значит, будет тебе урок. – Он быстро начертил на земле пальцем несколько таинственных символов. – Ну-ка, давай прочитай вслух.

– А что от этого будет? – с подозрением поинтересовалась Энни.

Джим Бейкер злорадно ухмыльнулся:

– Ой, да мы засомневались? И где ж наша прежняя храбрость? Ах да, ведь мы – просто глупая маленькая девчонка, что с нас взять…

Энн решительно поставила чашку-непроливайку и наклонилась, чтобы рассмотреть странные иероглифы поближе.

– Э-э… Чёрточка, чёрточка…

– Да не «чёрточка»! – перебил Джим и высокомерно пояснил: – Это называется «слэш», невежда ты. Прямой слэш, но можно говорить просто «слэш». Вот когда появится обратный… – Он многозначительно умолк, давая понять, что обратный слэш способен творить гораздо более могучую магию.

Энн начала снова:

– Слэш, слэш, решётка, звёздочка. – Она выжидательно подняла глаза на Джима. – Всё. И что теперь должно случиться?

– Теперь? – с мрачным удовлетворением переспросил Джим. – А теперь ты услышишь всё, что я о тебе думаю. И думаю я, что ты – настырная, самонадеянная, докучливая пигалица, которую мало пороли в детстве и которая непременно рано или поздно накличет на себя беду своим упрямством!

Энн сморгнула.

– Ну, и что дальше? – холодно осведомилась она. – Мне-то что за дело, что ты там обо мне думаешь?

На лице у Джима появилось выражение некоторой обескураженности.

– Хмм… – Он бросил взгляд на свои каракули. – Ну-ка, скажи-ка ты что-нибудь. Слэш-слэш-решётка-звёздочка.

– Я думаю, что ты – лентяй и бездельник, да ещё и хвастун вдобавок, – сообщила Энн. – Самовлюблённый и ненадёжный. Подойдёт?

Джим поморщился.

– Так, а теперь повтори. Звёздочка-решётка-слэш-слэш.

– «Звёздочка-решётка-слэш-слэш».

– Да не это! Это команда отмены. А ты повтори то, что ты сейчас обо мне говорила.

Энн не без удовольствия исполнила его просьбу. Маг-неудачник окончательно посмурнел и с раздражением впился зубами в сыр.

– Постой-ка! – воскликнул Джим спустя некоторое время, внезапно прекратив жевать. – В какой ты оболочке?

– С ума сошёл? – Энн вскинула голову.

– Да перестань! – нетерпеливо отмахнулся Джим. – Этот код не сработает, если оболочки одинаковые. Ты на Диком Западе, так?

Девушка подбоченилась:

– Ты же говорил, у тебя в оболочке нет поездов.

– Мало ли что я говорил, – ухмыльнулся Бейкер. – Может, и есть. Может, я их просто не люблю. Я, между прочим, не обязан всеми функциями пользоваться.

– Ой, ладно… – Энни недоверчиво оглядела собеседника, а потом, внезапно смекнув кое-что, заулыбалась: – Да у тебя фобия! Кто бы мог подумать: великий и ужасный Джим Бейкер боится поездов!

С полминуты Джим смотрел на неё ничего не выражающим взглядом, а после в ледяном молчании вернулся к сыру. В ответ Энн подобрала с земли «Сотворение», раскрыла на первом попавшемся месте и сделала вид, что безмерно увлечена чтением.

«…создавал нейросети и учил их уму-разуму, уповая через то познать устройство и мозга человеческого. Долгое время усилия его были тщетны. Но однажды свершилось: настал великий день Открытия. Ага, Открытия, именно. И увидел отрок со всей ясностью, что мозг человеческих существ в точности подобен нейросети искусственной, и познал основу этого подобия, и умилился, до того это было здорово.

Засим последовали годы бесплодных исканий и практических экспериментов на делинквентных индивидах с использованием инвазивных методов (разумеется, никоим образом не нарушавших принципов гуманности).

А по истечении девяти лет и девяти месяцев отрок принёс человечеству благую весть. Отныне ему было ведомо, как задействовать потенциальные возможности мозга, доселе не использованные никем, кроме случайных телепатов, ведьм и прочих флуктуаций биомассы. И в своём бесконечном великодушии светлый отрок безвозмездно разделил обретённое им знание со страждущими всего мира.

И началась эра всеобщего счастья. Золотой век, сорвавший покровы с механизмов мышления и восприятия, доселе непознанных и удивительных весьма. Одно невероятное открытие сменялось другим, и за одним прорывом в познании немедленно следовал новый, ещё более потрясающий.

Так были обнажены и исследованы тайные возможности таламуса, и, стоило найти объяснение пресловутому шестому (ресиверному) чувству, как обнаружилось и парное ему седьмое (трансмиттерное). Обскуранты крепко цеплялись за дремучие свои заблуждения, но яркий свет истины уже проник в сердца человеческие. Стало ясно, что гаджеты физического мира, равно как и беспроводная связь во всех её видах – не более чем детские ходунки. Настало же время отбросить их и ходить самостоятельно, пользуясь теми способностями, которые, как выяснилось, всё-таки заложил в аппаратное обеспечение человека Всевышний.

И зародился менталнет».

– Да-да, валяй, расширяй кругозор, мы с Саймоном подождём, – елейный голос Джима отвлёк Энни от размышлений об удивительном разнообразии человеческих способностей. – Можем хоть летний лагерь разбить прямо здесь, я совершенно не против.

Во второй раз забираться на лошадку оказалось ничуть не легче, чем в первый. А если учесть ноющую боль в негнущихся ногах и общее состояние разбитости – так и вовсе трудно. К тому же Энн была порядком голодна – в придачу к обеим лепёшкам Джим не постеснялся и весь сыр слопать, – и не могла не задаться вопросом, что же сулит ей это путешествие в будущем, если настоящее уже настолько безрадостно.

– Джим, а долго ещё осталось?

Но Джим, по-видимому, был всё ещё раздосадован и ответить не потрудился.

Дальше часы тянулись томительно: Энни совершенно разочаровалась в любовании видами, всё её бедное тело ломило, в животе бурчало, и хотелось ей только одного – скорей бы уже приехать, неважно куда. Даже мысли об угрожающей Саймону опасности почти её не взбадривали. Надо бы разузнать поточнее, в чём, собственно, эта опасность состоит… Только у кого? Не у Джима

же. Он вон нахохлился как филин – одно словечко ему, видите ли, проронить трудно. Даже насвистывать перестал.

По прошествии, кажется, пары суток, а то и недели пути Энн завяла окончательно. Солнце стояло низко, стало попрохладней. В какой-то момент каурая замедлила шаг, и Энни не сразу вышла из оцепенения: Джим что-то говорил.

– Э-эй! Ты заснула там, что ли? Вот оно.

– Что? – с трудом разлепив губы, равнодушно спросила девушка.

– Приехали, «что»..

С проблеском интереса Энни попыталась заглянуть вперёд из-за спины Джима, но это оказалось лишним: он ловко соскочил с лошадки, погладил её по морде и взял под уздцы:

– Притомилась, красавица…

– Угмм… – отозвалась Энн, но тут же покраснела, сообразив, что Джим обращался не к ней. Прикрыв глаза ладонью, она принялась усердно вглядываться вдаль.

Впереди, в косых солнечных лучах, уже виднелись первые постройки – похоже, это был какой-то маленький городок. Правда, чем ближе они подъезжали, тем сильнее становилось ощущение, что с городком что-то не так. Что именно – Энн сообразила, только когда они въехали на улицу.

Не кричали петухи. Не было слышно ни цокота копыт, ни громыхания колёс, ни боя церковных часов, ни пьяных песен. Пустые улицы казались слегка контуженными, как свежим морозным утром первого января.

В городке не было ни единой живой души.

– Джим… А мы точно туда приехали?

И опять Джим не утрудил себя ответом. Дома с обеих сторон улицы создавали жутковатое впечатление – молчаливые, покинутые, с облезлыми стенами, а кое-где – и с выбитыми стёклами. Впереди Энн углядела особенно печальное здание: ряд круглых колонн у фасада когда-то, наверное, здорово его украшал.

Как ни странно, именно к этому грустному дому они и направлялись.

Джим оставил их с каурой у широкой щербатой лестницы, а сам шустро взлетел по ступеням и замолотил кулаком в дверь. Ничего не произошло. Джим пустил в ход ноги – с тем же результатом. Тогда, к удивлению Энн, он тяжело вздохнул, потянул ручку двери на себя и исчез внутри.

Прошло несколько томительных минут. Энни начала всерьёз подумывать о том, чтобы пришпорить каурую и унести из этого странного места ноги, пока не поздно.

Дверь снова открылась, и на пороге показался человек. Сделав пару шагов со ступенек, он, сильно щурясь, вгляделся в тот конец улицы, где садилось солнце, затем раскинул руки медленно и широко, потянулся, потёр глаза кулаками и перевёл взгляд на Энн.

Выглядел человек под стать дому. На добрую голову выше Джима, с длинными волосами, свалявшимися в жгуты, одетый во что-то, что под слоем грязи было, наверное, пёстрым – индейское, что ли? Песочного цвета глаза незнакомца, обрамлённые бесцветными ресницами, смотрели сонно и безмятежно. При взгляде на Энн в них, правда, появилось выражение лёгкого непонимания.

Из-за плеча незнакомца послышался голос Джима:

– А, да. Это… В общем, это Энн. Она как бы со мной.

– Очень мило, Джим, – помедлив, отозвался незнакомец тягучим голосом. – Рад за вас. Ты привёз её сюда.

– Всё в порядке, Пол, – быстро проговорил Джим. – По делу привёз.

– А, – ровно сказал Пол. – Ну, очень приятно, Энн, – с этими словами он развернулся и ушёл в дом, совершенно сбив Энни с толку.

Её сомнения разрешил Джим:

– Что сидишь? Слезай давай. Конечная, поезд дальше не идёт.

Глава шестая,

в которой оказывается, что это ещё не конец, а вовсе даже наоборот

Попытавшись самостоятельно слезть с лошади, Энн потерпела полное фиаско. Она бы, несомненно, самым позорным образом грянулась оземь, если бы не Джим. Он как раз снимал с каурой поклажу, так что шлёпнулась Энни не на твёрдый почвогрунт, а прямёхонько на него.

Симпатии к ней от этого у Джима не прибавилось.

Пробормотав себе под нос что-то наверняка очень грубое, он сунул Энн седло и тюки, а сам подхватил каурую под уздцы и повёл куда-то за дом. Девушке ничего не оставалось, кроме как, поколебавшись, зайти внутрь.

Дома у Пола – если только это был его дом, насчёт чего у девушки сразу появились сомнения, – было странно. Другого слова не подберёшь. Не то что грязно или не прибрано – хотя, конечно, да: грязища жуткая и не убирались тут лет сто. Дело было в другом. Дом изнутри был пропитан всё тем же духом запустения, который так не понравился Энн ещё на въезде в городок. Казалось, здесь вообще не живут.

Девушка сгрудила поклажу в прихожей, а сама осторожно двинулась вперёд. Со стен в коридоре длинными бородами свисали обрывки обоев. Углы заросли паутиной. В комнатах, заставленных невообразимо ветхой мебелью, пахло старыми газетами и плесенью, а ещё вполне уловимо – чем-то сладким.

Первее всего в этом доме Энн интересовали две – нет, три вещи; но если шанс отыскать отхожее место и хоть какую-нибудь еду ещё оставался, то насчёт Саймона стало ясно само собой: его тут нет.

– Ищешь что-то.

Почему-то вопрос у Пола получался как утверждение – никакой интонации. Его тягучий, словно замедленная плёнка, голос вовсе не звучал угрожающе, но от него Энни подскочила на месте.

– По коридору до конца, там направо, – безразлично оповестил Пол. – Кухня напротив.

Посетив то место, которое было направо, Энн незамедлительно ощутила некоторую благодарность хозяину. Правда, кухня её немного озадачила. По меркам их с матушкой квартиры она была огромная, с плитой, с огромными шкафами снизу и сверху. Но ни стола, ни стульев – только несколько весьма грязных и пыльных подушек, валявшихся прямо на полу.

Энни нерешительно оглянулась и вздрогнула – Пол, оказывается, опять стоял у неё за плечом. По воздуху он плавает, что ли? Наверное, это был подходящий момент спросить про Сая, но при взгляде на бледную физиономию хозяина, напоминавшего не ко времени разбуженного зомби, Энн отчего-то заробела.

– Я бы хотела…

– Пожалуйста. Что найдёшь – то твоё. Где-то мука была.

Входная дверь хлопнула, и в коридоре послышалось бодрое насвистывание Джима. Пол задумчиво почесал бровь и ушёл.

Энни вволю напилась воды, потом принялась шарить по шкафам. Обнаружила и мигом уничтожила маленькое сморщенное яблочко. Хозяйство у Пола было небогатое, но насчёт муки он не ошибся, а ещё отыскалась целая бутылка прокисшего молока и – невероятно! – целых пять коробок по дюжине яиц.

Вздохнув, Энн занялась тем, что втайне терпеть не могла – хлопотами по кухне. Через полчаса, извозившись в муке и с обожжённым пальцем, она выглянула из кухонной двери и прокричала во всё горло:

– Ужин!!!

Несколько минут спустя оба явились: Энн как раз приканчивала второй блинчик прямо стоя.

– Вкусно пахнет, – одобрил Пол словно бы даже с удивлением. В завалах среди облупленных кастрюль и помятых сковородок Энни каким-то чудом посчастливилось откопать даже баночку соснового сиропа. – Молодец.

Джим подхватил чистую тарелку, сгрузил на неё стопку блинчиков, прихватил сироп и бодро хлопнулся с добычей на одну из подушек. Энн это было вовсе не по вкусу, но и она решилась присесть.

– Ну так что? – едва заморив червячка, девушка приступила прямо к делу. Смотреть она, впрочем, старалась на Джима.

– Что? – недовольно переспросил Джим. – А, ага. Большое спасибо за вкусную еду. – Он сделал замысловатый жест, словно снимает перед Энн шляпу.

– Я не про это! – рассердилась Энн и перевела взгляд на хозяина: – А про Саймона! Что с ним?

Пол, с рассеянным видом жуя, обозревал дверной косяк. Казалось, ему стоило гигантских трудов всплыть на поверхность своего океанически бескрайнего внутреннего мира и сфокусировать взгляд на Энн.

– Саймон. Это тот, которого ты мне послал. Пару дней назад.

– Он самый, – буркнул Джим, предпринимая контратаку на скользкий от сиропа блин.

– Необычный человек, – сообщил Пол соседней подушке. – Интересный. Баллончик краски у меня одолжил. Маджента.

Продолжения, судя по всему, не планировалось. Потерпев немного для приличия, Энн снова насела на хозяина:

– Где он сейчас? Ты стёр ему оболочки? Он в порядке?

Пол, не торопясь, дожевал, потом поднялся с пола, аккуратно положил свою тарелку в мойку и вышел из кухни. Энн так и осталась сидеть с открытым ртом.

– Странный этот твой друг, – громким шёпотом заключила она, придя в себя, и недовольно добавила: – По-моему, я ему не нравлюсь.

– Не бери в голову, ему никто не нравится, – легко отозвался Джим. Затем посмотрел на Энн и поправился: – Хотя – посмотрел бы я на того, кому ты нравишься.

Энни изготовилась было дать бесстыднику заслуженную отповедь, но тут вернулся хозяин. В руках у него было какое-то непонятное устройство, маленький розовый шарик на палочке. Пол осторожно уселся обратно на подушку – нелегко, наверное, с такими-то ножищами – и засунул шарик за щёку. Только палочка торчать осталась.

– Ты хочешь найти того Саймона, – слова вышли на удивление разборчивыми, с этой-то странной штукой во рту.

– Да! – воскликнула Энни.

– Родственник. Близкий.

– Н-нет, но он… Он сделал мне предложение! – храбро выпалила Энн и слегка зарделась. – Почти.

С оттенком недоумения Пол взглянул на Джима, на лице у которого отобразился даже не один, а все пятьдесят оттенков недоумения.

– Жених, – заключил Пол, вытягивая шарик изо рта и облизываясь. – Красиво…

Энн ждала. По-видимому, Пола было категорически нельзя сбивать с мысли, и от стараний промолчать она принялась постукивать пальцами по полу.

– Он уехал. Наутро. Хотя я говорил, лучше переждать несколько дней. Привыкнуть.

– А он не говорил куда? – страстно взмолилась Энн.

Пол пожал плечами с видом «разве это моё дело?»

– Для него всё изменилось. Он мог увидеть что-то, чего не видел раньше. Мог испугаться.

– Сай не мог испугаться! – гневно возразила Энн. Пол покрутил палочкой, и шарик у него во рту застучал о зубы.

– Откуда тебе это знать. Откуда нам всем знать. Нет таких алгоритмов, пути не просчитать. Разве только… – Хозяин отчего-то прервался и надолго припал к своему приборчику. – Разве только самому пройти.

– Ну вот и я ей ровнёхонько то же самое и сказал, – с оживлением встрял Джим, вылизывая тарелку. – Но она упёртая как баран. Непременно хотела сама убедиться, прицепилась ко мне что твой репей.

Пол не смотрел на приятеля: его зрачки наконец-то приняли нормальные человеческие размеры – до того едва ли с булавочную головку были, – и теперь он внимательно изучал Энн. Под его испытующим взглядом становилось всё неуютней.

– Да, только самому, – сам себе подтвердил какие-то свои соображения Пол. – Пройти тем же путём. Хотя, конечно, вовсе не факт, что ты увидишь то же самое. И даже наверняка нет. Но мало ли? Никто не пробовал, рассказать некому. А как жаль…

Похоже, шарик оказывал на Пола положительное воздействие: он явно сделался словоохотливее, а в его речи появился даже некий намёк на эмоции. Джим смотрел на него не отрываясь. Было непонятно, что его так заинтересовало: то

ли эта метаморфоза, то ли сами слова приятеля.

«Пройти тем же путём…» – подумала Энн. И вдруг поняла, на что Пол намекает. И, кажется, впервые в полной мере осознала, какие тёмные бездны хаоса и дичи за этим скрываются. Снять оболочки… Значит – ни интерфейса, ни сети, никакой связи с миром. Ужасно, невозможно! Сай, верно, был не в себе, пойдя на такое.

– А если… – голос звучал хрипловато: пришлось откашляться и начать заново. – Если все оболочки уже стёрты, можно инсталлировать новую?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ivanova_anastasiya/obolochka-zero

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить